

A detailed oil painting depicting a man in a red coat and a brown hat, seen from behind, standing on a path and looking towards a grand, classical building with a large golden dome. The scene is set in autumn, with vibrant orange and red leaves framing the view. The sky is filled with soft, white clouds. The overall style is realistic with a focus on color and light.

евгений пронин

Историк

евгений пронин

Историк

«Автор»

2026

пронин е.

Историк / е. пронин — «Автор», 2026

Кандидат наук Краев из 21 века попадает в в начало 20 века. Его знания позволяют ему попытаться изменить ход истории. Не допустить кровопролития и гражданской войны. Получится у него или нет...?

© пронин е., 2026

© Автор, 2026

ЕВГЕНИЙ ПРОНИН

Историк

Глава 1

Глава первая: Тень истории

Кабинет мой — храм памяти и размышлений. Каждая полка, каждый уголок хранит следы минувших столетий. Старая лампа с зелёным абажуром отбрасывает мягкий свет на груды книг, журналов и фотографий. Порой кажется, что стены шепчут имена великих, чьи судьбы определили ход истории. Среди них — Владимир Ильич Ленин, человек, чьё имя до сих пор вызывает споры и страсти.

Я, кандидат исторических наук Александр Краев, посвятил свою жизнь изучению революций, социальных трансформаций и альтернативных путей развития. Особое место в моих исследованиях занимает фигура Ленина. Его личность притягивала меня с юности — холодный рационализм, железная воля и одновременно противоречивые решения, которые до сих пор заставляют историков спорить.

Часто я задаю себе вопрос: что было бы, если бы Ленин прожил дольше? Сколько раз я прокручивал в голове возможные сценарии, пытаюсь представить, как могла бы измениться судьба России и всего мира. Этот вопрос не давал мне покоя, становился навязчивой идеей, превращая бессонницы в бесконечные размышления.

Рабочее место стало своеобразным алтарем поклонения прошлому. Здесь собраны десятки биографий Ленина, копии редких документов, фотографии с подписанными автографами. Особую ценность представляют письма, найденные мной в забытых архивах — свидетельства живых эмоций и сомнений человека, которого привыкли считать машиной революции.

Однажды, перелистывая старые газеты, я наткнулся на странную деталь: на фотографии, запечатлевшей Ленина после покушения Фанни Каплан, рядом с вождем виднелась неясная тень. Исследователи списывали её на дефект плёнки, но я чувствовал — здесь кроется нечто большее. Эта тень преследовала меня неделями, пока однажды, совершенно неожиданно, не появилась в моих снах.

С этого момента моя жизнь изменилась. Я начал искать доказательства, изучать аномалии пространства и времени, пытаться понять, возможен ли перенос сознания в прошлое. Мой научный руководитель называл это безумством, коллеги крутили пальцем у виска, но я не сдавался. Чувствовал, что близок к разгадке.

Помню тот вечер, когда профессор кафедры истории, старый друг нашей семьи, пригласил меня к себе домой. Его квартира располагалась в старом доме на Арбате, и каждый её уголок хранил дух прошедших десятилетий. Войдя в кабинет, я сразу обратил внимание на огромный письменный стол, заваленный книгами и рукописями. На стенах висели старинные гравюры и фотографии, а в углу стоял массивный сейф, покрытый слоем пыли.

— Садись, Александр, — предложил профессор, указывая на кресло напротив. — Я нашёл кое-что интересное специально для тебя.

Он достал из ящика стола пожелтевшие листы бумаги и бережно разложил их передо мной.

— Это дневник одного из охранников Ленина, — объяснил он. — Нашёл его совершенно случайно, в заброшенном архиве. Почитай, думаю, тебе будет интересно.

Я взял в руки тетрадь и начал читать. Записи были сделаны неровным почерком, местами смазанным, словно от волнения. Охранник описывал тот роковой день августа 1918 года, когда

Фанни Каплан совершила покушение на Ленина. Но самое удивительное было в последнем абзаце:

«В тот момент, когда я услышал выстрел, рядом с Владимиром Ильичом появился неизвестный человек. Он резко оттолкнул его в сторону, но пуля уже попала в Ильича, не убила, но ранила. Я бросился к ним, но незнакомец исчез так же внезапно, как и появился.»

Я поднял глаза на профессора, чувствуя, как сердце бешено колотится в груди.

— Что думаете об этом? — спросил я, не сводя глаз с записей. — Кто был этот человек?

Профессор задумчиво потер подбородок.

— Думаю, это не просто совпадение, Александр. Возможно, мы нашли доказательство того, что прошлое можно изменить.

Мы долго сидели молча, каждый погружённый в свои мысли.

Я брёл домой, сжимая в руках потёртую тетрадь охранника, подаренную профессором. Её шероховатые страницы словно пульсировали теплом, согревая душу и одновременно рождая тысячи вопросов. В голове кружились мысли о загадочном незнакомце, спасшем Ленина, о тени, мелькнувшей на старой фотографии, о словах профессора.

Осень в Москве всегда навеивает особые настроения — меланхолические, задумчивые. Листья падали с деревьев, словно строчки незавершённого стихотворения, шурша под ногами, напоминая о быстротечности времени. Я шёл медленно, погружённый в размышления, не замечая никого вокруг.

Каждый шаг отзывался эхом в сознании, каждое дыхание казалось частью какого-то древнего ритуала. Я думал о Ленине, о его воле и сомнениях, о том, как один человек может изменить ход истории. И вдруг, совершенно неожиданно, в голове всплыла фраза из дневника охранника: «В тот момент, когда я услышал выстрел, рядом с Владимиром Ильичом появился неизвестный человек. Он резко оттолкнул его в сторону, но пуля уже попала в Ильича, не убила, но ранила. Я бросился к ним, но незнакомец исчез так же внезапно, как и появился.»

Кто был этот человек? Зачем он спас Ленина? И почему исчез, не оставив никаких следов? Эти вопросы не давали мне покоя.

Вдруг чей-то тихий, но удивительно приятный голос вырвал меня из потока мыслей:

— Хорошая книга, молодой человек?

Я вздрогнул и обернулся. Прямо передо мной стоял невысокий старик с седой бородой, одетый в длинный чёрный плащ и старую, выдавшую виды шляпу. Его глаза, необычайно яркие и синие, словно два осколка летнего неба, смотрели на меня с доброжелательной заинтересованностью.

— Да, — ответил я, слегка растерявшись. — Это дневник одного из охранников Ленина.

Старик улыбнулся, и его лицо осветилось детской радостью.

— Ах, Ленин... Великий человек! — Он вздохнул, и в его голосе прозвучала неподдельная искренность. — Я всегда преклонялся перед его волей и умом. Настоящий титан своего времени!

Мы остановились и присели на скамейку в маленьком сквере, окружённом голыми деревьями. Старик удобно устроился, поправив полы плаща, и продолжил:

— Знаете, молодой человек, я верю, что история не линейна. Она подобна огромному дереву, где каждая веточка — отдельная реальность, отдельный путь развития событий. Представляете, сколько таких ветвей могло вырасти из одного маленького происшествя?

Я внимательно смотрел на него, чувствуя, как мурашки пробегают по коже. Его слова странно перекликались с моими собственными мыслями.

— То есть вы хотите сказать, что существуют параллельные миры? — уточнил я, стараясь скрыть волнение.

Старик кивнул, его глаза загорелись особым блеском.

— Именно так! И знаете, что самое удивительное? Иногда эти ветви пересекаются. Случайно или неслучайно — судить не нам. Но факт остаётся фактом: встречаются люди, способные переходить из одной ветки в другую, менять течение времени, влиять на ход истории.

На какое-то время он замолчал, слушая, как не опавшие еще листья, шуршат под порывами ветра, словно шепчут древние тайны.

— А вы верите в такие чудеса? — спросил старик, лукаво прищурившись.

Я задумался ненадолго, а потом решительно ответил:

— Честно говоря, до сегодняшнего дня я считал это чистой фантастикой. Но после всего, что произошло... — Я замолчал, не зная, стоит ли рассказывать незнакомцу о дневнике и своих подозрениях.

Старик понимающе кивнул:

— Понимаю вас. Трудно поверить в подобное, когда всю жизнь изучал сухие факты и цифры. Но ведь история — это не только даты и события. Это живая ткань, сотканная из судеб миллионов людей. И иногда достаточно одного-единственного поступка, чтобы изменить весь рисунок этой ткани.

Мы продолжали разговаривать до самой темноты, обсуждая невероятные возможности и последствия смены исторических траекторий. Старик рассказывал удивительные истории, приводил примеры из мифов и легенд разных народов, доказывая, что идея многомерности пространства существовала всегда.

Перед тем как расстаться, он крепко пожал мне руку и тихо произнёс:

— Запомните, молодой человек: прошлое — это не цепь, сковавшая нас навечно. Прошлое — это полотно, на котором мы можем рисовать новые картины будущего. Главное — верить и не бояться перемен.

Я смотрел вслед старику, пока его фигура не растворилась в густых осенних сумерках.